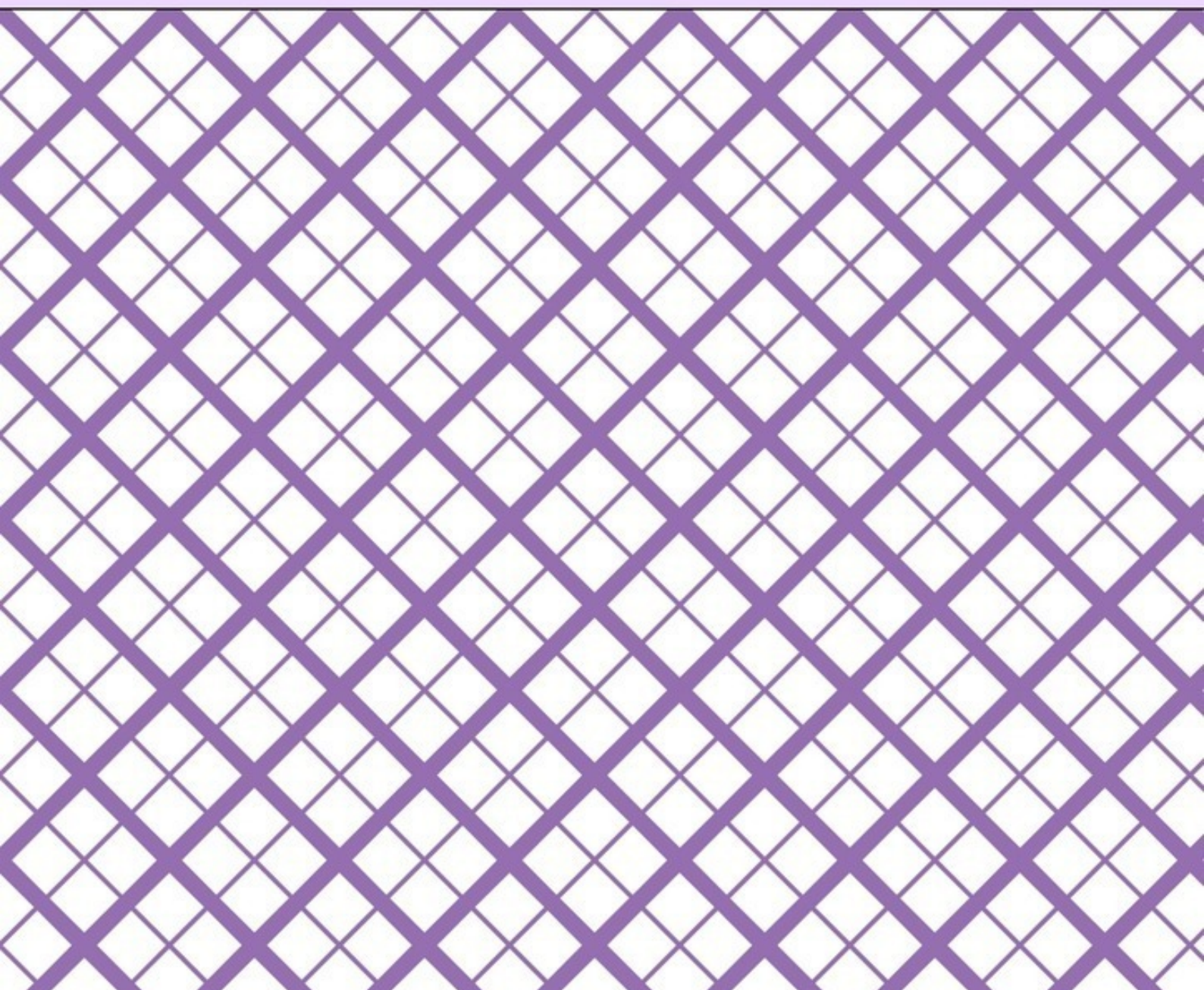

Сергей К. Данилов

*Комета
Магницкого — 3*

Сергей Данилов

Комета Магницкого – 3

«Издательские решения»

Данилов С. К.

Комета Магницкого – 3 / С. К. Данилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852659-6

Общеизвестно — горе одно не ходит. Оказалось, счастье — тоже. Лариса предстала во всём своём великолепии, прежняя девчонка с огромными сияющими глазами, покрашенными и оттого ещё большими, коротенькая юбка обнажала стройные ноги, с раскинутыми в стороны тонкими голыми руками. Сейчас обнимутся, она положит голову ему на грудь. И начнётся наконец-то долгожданная настоящая жизнь.

ISBN 978-5-44-852659-6

© Данилов С. К.
© Издательские решения

Содержание

1. Бедная, бедная Нина	6
2. Смешные посторонние мечты	12
3. Африканский лев у мусорных баков	14
4. Святотатственный трепет в отделе размножения	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Комета Магницкого – 3

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-2659-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шесть лет спустя

1. Бедная, бедная Нина

Нина вернулась с работы темнее грозовой июльской тучи. С чувством швырнула сумку на стул возле двери. Муж перестал кушать свекольник:

– Что случилось?

Упорное молчание свидетельствовало о том, что произошедшее не имеет аналогов в истории новейших времён. Полиэтиленовый пакет с хлебом, кувыркаясь, прилетел на стол. Да, сразу видно – в дом пришла добычица, ясно, как белый день, сомнения наказуемы. А какие способности в метании подручных предметов! Задавать наводящие вопросы тоже дело небезопасное, Виктор скромно умолк. Прервав трапезу, кинулся доставать прибор для жены. Вообще-то, ему давно пора в свой любимый вагончик на стройку особняка в центре города, но в свете последних событий уход будет выглядеть если не бегством, то всё равно очень не по-семейному. Присев на краешек стула, Нина сложила маленькие ручки на коленях, и, уткнувшись в них взглядом, молчит, вся без остатка погружённая в себя. Виктор тоже беззвучен. Тихо сопереживает, стоя рядом, поникший и вконец измельчавший, как человек, давным-давно переживший возраст Христа, но по-прежнему ни на что не годный.

– Представляешь, – говорит она ровным замороженным голосом, предвестником чего угодно, от зимней бури до весеннего половодья. – Людмила припёрлась сегодня на кафедру с новой сумочкой, в новой курточке и... шляпочке.

Так может говорить только убитый горем человек, над которым иронизировать бессовестно. Поэтому муж восклицает возмущённо, с пафосом и без капли фальши:

– Вот ведь сволочь какая!

– Правда, – соглашается жена и начинает тихо плакать.

Говорят, слезами горю не поможешь, а, между прочим, слёзы – необходимая женская разрядка после тяжёлого трудового дня на университетской кафедре. Не проходит и трёх минут, как она выходит из бессловесных сдерживаемых хныканий, начинает причитать по-настоящему:

– Какая-то простая лаборантка... девчонка двадцатилетняя может себе позволить сумочку новую, куртку... и...

О, горе слишком велико, Нина разражается рыданием, не может выговорить.

– ...и шляпочку, – помогает Виктор.

– ...и шляпочку... как раз такую, какую я хотела купить...

Вот когда плач переходит в детский рёв.

– Мне тридцать пять лет, я преподаватель, а куртку ношу уже не помню сколько, лет десять одну и ту же, сумка порвалась, а шляпочка...

Да, новая шляпочка была основной идеей-фикс последнего времени, муж подтвердит лично, без фиги в кармане. Нина ходила примерять её несколько раз без денег, которые просто негде взять – явный признак лёгкого умопомешательства, присущего девяности процентам женщин. Виктор честно уговаривал жену не заниматься ерундой. Что касается возраста, лет нам гораздо больше тридцати пяти. Это не склероз, просто включился счётчик обратного отсчёта.

– А всё ты...

– Ну вот, начинается.

– ...могли бы на те пять миллионов купить и тебе пальто, и мне куртку. Нет, потребовалось ему дом срочно строить. И где теперь твой каменный дом в два этажа с подвалом? И деньги пропали. Жадина, скупердяй, даже на собственную свадьбу зажался, бессовестный ты, Магницкий, человек!

Виктор молчит уже по другой причине. Он не открывает рта, потому что Нина права. Но кто мог знать тогда, что пять миллионов, положенные в солидный коммерческий банк под сорок процентов годовых, превратятся сначала в пять тысяч, а затем исчезнут полностью, оставив после себя судейские разборки, частые собрания Общества обманутых вкладчиков, которые начинались самоорганизацией конкурирующих кружков, группок и даже партий, но заканчивались всегда одинаково – криками проклятий и обмороками седовласых пенсионеров.

– Но и у тебя на книжке в Сбербанке сгнуло две тысячи советских дензнаков, что в реальных измерениях гораздо больше моих пяти миллионов.

– Нашёл что вспоминать. Да их-то как раз выплачивают понемногу.

– По достижении восьмидесяти лет? Или ты имеешь в виду знаменитую тысячу рублей на похороны усопшего вкладчика?

– Нет, – Нина деловито высморкалась в платочек, приобретая осмысленное выражение, – сейчас, я слышала, уже семидесятипятiletним выдают их сбережения.

– То, что не съела инфляция за прошлые годы? Хорошо. Подождём немного. Тем более, что полсрока уже отмотали.

Бедная, бедная Нина. Впрочем, она старается, преподаёт заочникам, пишет статьи, которые надо пристраивать в платные научные сборники. Платный неоплатонизм, боже, до чего докатились!

– А у вас когда будут хотя бы половину зарплаты выплачивать? Сколько можно на одну двенадцатую жить? Вон по радио только и говорят: страна поднимается с колен, страна поднимается с колен, ну если поднимается, почему сотруднику научного института нельзя платить хотя бы тысячу двести в месяц из его официальной зарплаты в две с половиной тысячи?

– Пока только обещают. А платят двести, как раз половину оплаты за нашу комнату в общежитии. Ты половину, и я половину. Равные права между женщиной и мужчиной полностью обеспечены, что тебе, собственно, не нравится?

– Преподавать когда начнёшь?

– С сентября-октября. Черкизов обещал спецкурс для четвёртого курса. Четыре часа в неделю, я же тебе говорил.

– Давай продадим участок, всё равно ничего не построишь.

– Не мой пока участок, сколько раз нужно объяснять элементарные вещи? Я его сейчас приватизирую. Пока он принадлежит городу, хотя и отдан мне под строительство за сущие копейки, которые не возвращаются, ежели от него отказаться.

– Ты же пять миллионов заплатил!

Дались ей эти пять миллионов.

– На взятку истратил. Кто бы мне выделил участок в центре города без взятки? Сама подумай. И я его никому продавать не собираюсь. Построить дом – главная цель моей жизни.

– Зачем прежний дом за гроши отдал? Дурак ты, Магницкий, каких мало.

– Что вспоминать давно минувшее? Ладно, поживу сегодня в вагончике, а то вывезут добрые люди.

– Кому нужен разбитый вагончик?

– Ну, мало ли кому. Там ещё туалет выстроен из хороших досок, забор.

– Сортиро-строитель – вот ты кто!

– Да. За имуществом глаз да глаз требуется. Хлеба отрежу половинку? Сахар с чаем пока есть, овсянка тоже. Начну лекции готовить, надо освежить материал в голове.

– Точно дадут семинар?

– Обещали.

– Премьер Черномырдин тоже какое-то светлое будущее народу обещал...

– Что россияне будут жить плохо, но недолго.

- Ой, слава богу, какой добрый человек!
- Уехал послом-миллиардером на Украину, крепить братство народов. Так что обещанное выполнить полностью не успел, а посему будем ещё очень долго жить плохо, и с Украиной рассоримся насмерть, вот посмотришь. Ну, так я пошёл на стройку светлого будущего?
- Иди. Утешил супруг супружницу.

Стройка будущего заморожена до лучших времён. Участок земли огорожен забором с воротами, внутри территории стоит ржавый вагончик, в котором Магницкий жил шестой год подряд, иногда по пути заходя в общежитие. Остатков сгоревшего дома практически не осталось, он постепенно распилил и сжёг их в буржуйке вагончика за долгие сибирские зимы. Зато теперь ровная площадка, чисто, под метёлочку. Чем топиться следующей зимой – большой вопрос. Вот она, деревня, вот он, дом родной! На лавочке, сделанной из тех же досок, что и забор, сидит соседская третьеклассница Анжелика, перед ней расставлены игрушки, на скамейке учебник математики и тетрадка.

- Гутен таг!
- Гутен таг!
- Ви геттес дир? (Как дела?)
- Зэр гут.
- А почему к Нине ужинать не пришла? Там и стол есть нормальный для занятий. Приобретёшь искривление позвоночника, тогда узнаешь, что бывает с теми, кто не бережёт собственное здоровье. Береги здоровье смолоду, поняла?

Анжелика дипломатично косит в сторону.

- Виктор, у меня задачка не получается.
- У меня тоже на работе куча задачек, которые не получаются. А если бы они сами собой получались, меня не взяли бы на работу их решать и не платили бы денег. Знаешь, что сделает со мной начальник отдела, если я подойду к нему и скажу: «Слушай, дяденька Черкизов, а у меня задачка не получается»?

- Что?
- Тут же уволит с работы. Поэтому я весь день их решаю, решаю и решаю, чтобы решить вовремя. И ты тоже решай сама.
- А сверх плана тебе Черкизов задачки задаёт?
- Разговорчики в строю! Надо было четвёрку по контрольной не получать. Месяц осталось учиться, а она мне тут на четвёрки съехала. Я тебе покажу «Черкизов», фамилию такую забудешь!

- Что ели у Нины?
- Очень вкусный борщ со сметаной. Ждали тебя, ждали, но не дождались. Нина сильно плакала.

- Давай сварим картошку в мундирах?
- Кто «давай сварим»?
- Я сварю.
- А, пожалуйста, за дело, с песней. Вода во фляге есть, электричество в проводах, картошка в ящике, милости просим.

Магницкий открыл ключом вагончик и вошёл внутрь. Непрезентабельно, конечно, но для жизни строителя капитализма необходимое имеется. И печка, и плитка, и рукомойник с тазиком, и топчан, который в данный момент привлекает более всего. Нет газет, телевизора и радио. Здесь он живёт в информационном вакууме, что тоже неплохо, меньше знаешь про вал ограблений и убийств, захлестнувший страну, лучше спишь.

Насвистывая марш Черномора, переоделся, лёг на топчан, прикрыл глаза толстым научным журналом.

- Что, устал? – интересуется невидимая Анжелика.
- Да, сейчас всхрапну минут двадцать, и задачку буду решать.
- Свою, научную? – уточняет хорошистка.
- Конечно, научную, не твою же. В носу не ковыряй.
- Подсматриваешь?
- Слышно!

Девочка начала копошиться у ящика с картошкой. Голод не тётка, но ведь до общежития рукой подать, если уж на то пошло, там всегда накормят. Однако ребёнок предпочитает самостоятельность. Это, кстати, тоже неплохо. Виктор доверяет ей электроплитку и засыпает на двадцать минут с открытой дверью (если что, успеем выскочить). Потом кто-то снимает с лица журнал и докладывает:

- Картошка сварилась.

Часы показывают, что сон продолжался почти пятьдесят минут, а такое ощущение, будто чуть веки смежил. Всё-таки верно сказано: старость – не радость. Зря народ не треплется.

Анжелика вытащила картофелины в чашку.

- А знаешь, с чем я люблю картошку в мундирах есть?
- С хлебом-луком?
- Нет.
- С солью и водой? Или с квасом с редькой?
- Да нет же, – удивляется школьница взрослой несообразительности.
- А, с маринованной селёдкой! – скрипя мозгами догадывается Магницкий. – И чёрным перцем?
- Нет, с сельдью иваси.
- Полезный продукт, в ней очень много рыбьего жира.
- Вот бы купить парочку, – зажмуривается Анжелика, – с икрой!
- Ну, парочку не парочку, а на десять рублей... возьми пакет, сбегай до базара, купи грамм триста кильки, если киоск открыт.

Последние слова улетают в пустоту. Калитка захлопнулась прежде, чем они были произнесены. А рынок, между прочим, стоит на квартал дальше общежития, пусть и в другую сторону. Подчас некоторые школьницы бывают сверхъестественно избирательны, сообразительны, а главное, быстры. Вместо кильки и сдачи притащила иваси.

– Только на одну рыбку хватило, – сообщила, протягивая пакет. – Здоровая, как кит. Пообещали с икрой. Чур, икра моя!

- Нет, чур, пополам.
- Ладно, а хвост бабке отнесу, она тоже любит с картошкой.

Анжелика сразу отрезала хвост и отложила несколько картофелин на передачу бабке, когда пойдёт домой спать. Селёдка оказалась с икрой. Они приступают к трапезе, после которой очень трудно отмыть руки. Но Виктор требует строжайшей чистоты в помещении и возле оно, иначе от мух не будет отбоя, поэтому Анжелика выносит отходы в мусорный контейнер на улицу, долго моет руки, лицо.

Потом берёт тетрадку, учебник и подходит к Магницкому.

- Наелся?
 - Наелся, спасибо.
 - Вкусно было, да же?
 - Очень вкусно готовите, майне либе фройлен. Кормилица вы наша.
 - Помогите задачку решить, не получается.
- Виктор глянул в книжку, куда направлен пальчик, и на листок черновика.
- Семью восемь?

– Пятьдесят шесть!

– А чего пишешь?

После проверки домашнего задания и переписывания в тетрадь набело со вздохами и охами, прихватив хвост селёдки с остатками варёной картошки, Анжелика уходит ночевать в соседний дом, где в коммунальной квартире живёт её бабка, а иногда ещё и родная мамочка с каким-нибудь общественно-беспольным другом. Трудно не удивляться, видя, как маленький ребёнок может стоически беззаветно любить родню и в силу своих небольших возможностей заботиться о ней. Сильнее этого чувства, живущего в детской душе вопреки всему, кажется, нет ничего на свете.

За исключением той страшной и безотчётной ненависти, которую испытывает тот же самый ребёнок, но уже в пятнадцатилетнем возрасте, к тем же своим пьющим без отдыха и натошак родственникам. О, как он их тогда убийственно не выносит, этого не передать никакими словами, но можно каждодневно наблюдать, если живёшь рядом с коммунальным домом и видишь на множестве примеров изо дня в день развитие сей поразительной метаморфозы бытия. В его строительном флигеле установилась тишина. Можно заняться подготовкой лекций к осеннему семинару. Да, программирование нынче вроде доброй верной жены, дающей хлеб насущный понемногу, но ежемесячно, а чистая математика – вроде посторонней красивой женщины, к которой давно тянет, однако без взаимности.

Вот эту теорему Кузьмича он тоже возьмёт в свой спецкурс – красива, чертовка, жаль, слегка кособока: необходимость есть, а достаточность не доказана... в его студенческие годы была не доказана, а уж теперь-то наверняка доказали. Грех в таком месте пустоту оставлять. Кто-нибудь добил и достаточность. Нынче народ далеко вперёд ушёл. Кстати, а почему тогда была не доказана? Когда доказывается практически тем же путём, что и необходимость, при минимальных дополнительных построениях? Или ему кажется? Ничего не кажется.

На пяти блокнотных листочках Виктор набросал доказательство достаточности теоремы Кузьмича. Эх, жаль, только сейчас увидел, а не в студенческие годы. Но, может, и нынче удастся статейку маленькую тиснуть, если, конечно, его доказательство отлично от канонического, ранее полученного. Надо будет у мэтра Трушкина разузнать, наверняка должен знать. Хоть и вчерашний день математики, зато классика, даже третье доказательство к уже имеющимся двум другим было бы не зазорно представить. Удовольствие от созерцания решения и проведение самых разнообразных проверок продолжается далеко за полночь, до тех самых пор, пока с улицы не начали доноситься странные, робкие постукивания.

Магницкий прислушался. Стук тотчас прекратился. Раздался тоненький визг, вроде бы животного происхождения, то ли щенячий, то ли кошачий, но в следующую секунду он уже вскочил с топчана и бросился вон из вагончика спасать своё имущество: в ночной тиши кто-то тихо, заботливо выдирал доску из забора. Вор находился внутри ограды. Молотком распрямил гвоздь и на глазах удивлённого хозяина рукой выдавил доску наружу. В длинной ограде организовалась первая дырка-брешь. С почином вас! Далее высокий стройный человек спортивного телосложения принялся отгибать гвозди следующей доски. На воре тёмная, маскирующая одежда, чёрная шапочка до самых глаз, и только на ногах белые кроссовки. Хозяин кинулся защищать частное имущество голыми руками, не обращая внимания на серьёзное вооружение противной стороны. И тут случилось нечто из ряда вон.

Вор стоял к Виктору спиной. Перед ним забор высотой метр восемьдесят. И вдруг, не оглядываясь, с места, без подготовки, ворюга как-то ужасно мастерски, мягко, элегантно даже перемахнул ногами через верх забора, подхватил оторванную доску с молотком, уже валявшиеся снаружи, и бесшумно умчался в тревожную черноту городской ночи. Хозяин сначала обалдел, а потом восхитился. Главное – с места, фрр-р-р птичкой, и нет его, каков талантище, а? Во народ! Просто диву даёшься. И с таким талантом ночами лазит по чужим оградкам воровать с риском для рёбер не струганные доски из забора! Экстремал! Тщательное

исследование места преступления не принесло никаких результатов, тут действовал профи, спёрший таки из его забора первую доску. Теперь начнётся, только держись! Не успеешь оглянуться, растащат забор, ибо народ в округе подобрался до стройматериалов злой, и, где что плохо лежит, сразу подмечает, делая соответствующие выводы. Ага, здесь спёрли доску, а почему не я? Я тоже сопру, в хозяйстве всё сгодится! И пошло, и поехало, ото всех не отобьёшься, никаких сил не хватит. Пришлось снять доску с топчана, чтобы восстановить статус-кво несколькими меткими ударами молотка по ржавым шляпкам бэушных гвоздей. Прежние гвозди негодяй утащил вместе с доской.

Глядя на сузившееся ложе, Магницкий предался невесёлым размышлениям. Что ни говори, а он положительно не умеет зарабатывать деньги. Нет таланта, хоть тресни, о чём умные люди ему не раз напоминали. Полная бездарность. Даже на квас не может заработать, исключительно на хлеб и картошку хватает умения, причём картошку сажит сам на институтском поле, вместе с прочими безлошадными сотрудниками. Если не это бесплатное научно-картофельное поле, им бы в принципе не выжить.

– А вот люди зарабатывают на всякой мелочи, – обычно говорит Нина слегка обиженным голосом человека, за всеми моющего посуду и убирающего со стола, – я понимаю, был бы ты крутолобый гений или хоть талант, известный в своих кругах, а то, смотри, даже не кандидат наук. Так, непонятно что.

Она не со зла, ей тоже обидно.

– Вот у нас, философов, репетирование в принципе исключено, такого предмета в школе не проходят, про университеты говорить нечего, там всяк себе философ с собственной системой ценностей, казалось бы, вообще иди и вешайся от безденежья. Так нет, находят люди из ничего подработку. Взять, к примеру, доцента Короткевича Владимира Яковлевича. Окончил человек курсы массажистов, представляешь? Получил документ соответствующий, уже хорошо, да? Своим семейным может массаж при случае сделать. Но на этом не успокоился: распечатал на кафедральном компьютере пятьсот объявлений о сеансах массажа, и по окрестным домам разложил в почтовые ящики. Говорит, всего десять человек откликнулось. Так теперь он утречком до занятий пять раз в неделю бабушек массирует, а пять раз после занятий дедушек. По сорок рублей за сеанс берёт, итого четыреста рублей в неделю дополнительной зарплаты ему в карман набегает.

– Нет, не люблю посторонних людей руками трогать. Не нравится мне это. Даже в медицинский не пошёл из морально-этических соображений. Со стороны, конечно, вроде замечательно: белоснежный халат, накрахмаленная шапочка, стетоскоп на шее поблёскивает, с умным видом ходить можно, доктором величают, отношение в народе уважительное, но как только подумаешь, что трогать надо чужие прыщи, сразу – извините, в другой раз.

– Шутки шутим? А слабо Виктору курсы парикмахерские окончить? Слабо, да? Тогда дай объявление о репетировании. Раньше у тебя и летом бывали ученики.

– Старый стал. Не могу деньги от детей принимать, стыдно. Говорю же, будет семинарчик, начну прирабатывать. Черкизов обещал.

– Да, сам ты с места не двинешься, человек двухсотрублёвый.

– Двухсотрублёвая моя голова, а руки и душа бесплатные.

– То-то и оно.

2. Смешные посторонние мечты

Поздней ночью, ворочаясь на узком топчане с книжкой по топологическим аспектам квазивиртуальных сфер, Магницкий вдруг ощутил себя оскорблённым в лучших чувствах: тридцать девять лет мужику, а он не смог завести ребёнка при живой и здоровой жене. Кантуется в вагончике, мечтая построить дом-дворец и только после этого создать полноценную семью, как полагается: в роскошной спальне, на кровати под балдахином. Мигом скатился с топчана, резво стартовал в общежитие к Нине, восстанавливать статус женатого человека, который должен по варварским домостроевским обычаям спать исключительно дома, а не в отдельно стоящем строительном вагончике. И не беда, что на дворе ночь, даже лучше. Тёмная ночь... разделяет, любимая, нас...

В прекрасном боевом настроении добежал, толкнулся в дверь общежития. Родной дом по ночам заперт. Не беда, воспользуемся тропами далёкой юности. Оно, конечно, не впервой. Только слишком давно не тренировался, и, к великому стыду своему, не смог вскарабкаться даже на козырёк над чёрным входом, с которого обычно лихо сигал на пожарную лестницу. Допрыгнуть – допрыгнул, а подтянуться Виктору ныне слабо. Незадача. Повисел задумчиво, и вниз брякнулся. Что делать-то, господи? Да то же самое, что и все нынешние более молодые люди. Ведь совсем не зря там, в уголке, белеют два тарных ящика, как бы ни при чём валяются себе рядышком. Подставить их под лестницу, и дело пойдёт как по маслу! Всё выше, и выше, и выше! Молодёжь, выбравшая пепси, явно предпочитает лёгкие пути, подвластные даже старикам на четвёртом десятке, ближе к пятому.

Вы ощущали когда-нибудь, друзья мои, в темноте на пожарной лестнице прилив стыда ориентировочно на уровне третьего этажа? Нет? Тогда опишем данное чувство, охватившее с головы до ног товарища Магницкого, несмотря на то, что его здесь никто пока не видит. Просто сам на себя посмотрел со стороны: солидный женатый человек средних лет, старший программист, разработчик военных заказов, лезет на крышу шестиэтажки среди ночи толстым обленившимся котом. Постойте, постойте со своими обличениями морально-этического плана. Мужчина должен иногда рисковать? Должен, раз на роду написано, иначе жизнь будет неинтересная. А как Магницкий рискует – его дело, которое никого не касается, поскольку законов он пока не нарушает. Наследника хочет. Правда, наследовать тому наследнику будет нечего, наверное, поэтому он и не спешит объявляться: до рождения умный, в отличие от папы.

Вот лучше возьмём и представим для собственного удовольствия более тяжёлый случай: стоит мужчина с биноклем у окна своей квартиры на десятом этаже и смотрит вниз на женщину с зонтом. Идёт роскошных форм дама, торопится, а дождь хлещет как из ведра. К тому же косой. Не мужчина, а дождь, хотя и мужчине нетрудно окосеть, когда платье вымокло до нитки и страстно облепило счастливую обладательницу пышных форм, а зонтик, увы, ни от чего не спасает. Даже от восхищённых взглядов с десятого этажа. Поддадим ветра. Шшу-х!!! Последняя преграда сметена: зонтик сломан, шикарная женщина в мокром, продолжайте, пожалуйста, своё движение, просим, просим, осторожно ступайте, медленно обходя кипящие пузырями лужи на своих огромных каблуках, зажав сумочку под мышкой. Мадам, куда вам спешить теперь?

Проникнемся к ней восторженным сочувствием, как тот наблюдатель с биноклем. Вдруг у него проснулся голод, засосало под ложечкой. Продолжая правой рукой держать бинокль перед глазами, неотрывно глядя вниз, боясь потерять хоть один момент бесплатного чуда, левой он судорожно открывает холодильник, лезет ощупью на верхнюю полку, где лежит палка копчёной колбасы и стоит банка сгущённого молока. Что предпочтёт мужчина, подглядывающий за чужой мокрой женщиной? Естественно, мясо. Ухватив палку, досрочно

раскрывает рот под биноклем, чтобы вонзить зубы в аппетитную плоть и грубо, с треском зажевать её с оболочкой, что столь же приятно, как овладеть роскошной мадам прямо в мокром платье, но тут из соседней комнаты раздаётся возмущённый голос жены:

– Кто это там опять в холодильник полез? Только что ужинали!

И всё. С верхней полки кувыркается вниз банка сгущёнки, стукаясь о голову наблюдателя, заливая лысину, бинокль, руки, а особенно линолеум вокруг тапочек. Вот где дурачина! А Магницкий вам что? У него полный порядок. Приостановил своё горное восхождение на встречу с женой, отдыхает, а параллельно мыслит. Вдохновлённый посторонними смешными мечтами, Виктор бодренько рванул вверх с новыми силами, пусть не лосось, идущий на нерест, но всё-таки живее, много живее, чем прежде, когда был весь в сомнениях, как впоследствии мужчина, доставшийся рассерженной жене густо обмазанным сгущёнкой, оставленной для воскресного торта.

Всего ничего лет от роду. Да ему в трамвае ещё через раз говорят: «Молодой человек! Передайте деньги кондуктору». Но чаще: «Мужчина!». Это когда «мужчина, выходите?». Ходит он, девушка, ходит. Двигает членами, даже наверх взбирается по лестнице без посторонней помощи. Всего шесть лет минуло с тех пор, когда взвизывался по этим ступенькам на нерест, ни о чём вообще не рассуждая, ничего не представляя, а теперь... Лезет и сомневается. Сомневается, но лезет. Всё у нас впереди! А интересно знать, будет нынче Нинка орать, когда поволочёт её в подвал? Или без подвала обойдёмся? Как-никак старший программист, оклад две с лишним тысячи, несолидно. Только вот на руки всего двести. Тащим!

Ночной гость прыгнул с чердака на лестничную площадку, спустился на этаж, заглянул в коридор. Так и есть, стоит женщина в коридоре общежития, читает. Естественно, про любовь. Не утомилась. Раньше смешило, теперь потихоньку начинает восхищать. За прошедшие годы многие умения Магницкого притупились: хуже стал подтягиваться, медленнее взбирается по пожарной лестнице, ни черта не видит на чердаке, неудачно прыгает, но крадётся по-прежнему великолепно, как тигр в кустах. На одном дыхании, беззвучно, веточка под ногой не хрустнет! Да и откуда в коридоре веткам взяться? Слава богу, обычный шлифованный пол из мраморной крошки, как крупнейший кладбищенский памятник восемьдесят метров длиной. Остался последний шаг. Сейчас схватит, кинет через плечо – и айда скакать вниз-вниз-вниз по лестнице, проваливаясь в глубинные тартарары, словно падая на дно колодца, до той самой нижайшей, подземной комнатки-душегубки без окон и дверей, где на жестоком невидимом бетонном полу легко навсегда задохнуться от адского счастья. Ну, не навсегда – до следующей жизни.

– Так и знала, что сегодня явишься, – Нина отворила дверь и вошла в комнату первой, даже не обернувшись для порядка.

– Откуда? – любопытствовал муж, заходя следом, глядя на разобранную постель и скучно вздыхая.

– Обидчив стал очень, – пояснила жена, включая свет, оборачиваясь с иронической улыбкой. – Обидчивость – твоя всегдашняя ахиллесова пята.

Что правда, то правда, наверное, поэтому среди ночи Магницкий вдруг подхватился и убежал обратно в вагончик, подгоняемый также неприятным ощущением, что спортивный человек в тёмном трико и белых кроссовках вернётся и разберёт его забор до последней плашки. Сбежал от семейной жизни, хорошо – не через крышу. Развелось во время перестройки столько кругом хозяйственной шантрапы, что дом на час нельзя оставить без призора.

3. Африканский лев у мусорных баков

Крутиться на узком топчане оказалось ещё более неудобно, чем прежде, весь только измучился, и на работу подскочил раненько. Секунду размышлял, какой предпочесть путь. Свой ли обычный, самый короткий: сначала под горочку, потом через дворы, трамвайные рельсы, минуя по очереди спортплощадку, проспект, рощу – и практически мы уже на месте. Двадцать минут ровно. Но во дворах такая грязь, что подумать страшно! Прошлый раз вон как врюхался, по самые уши. В темноте не туда прыгнешь, и всё! – придёшь в институт сви- нья свиной. Тебе же ещё какая-нибудь сослуживица и мысли свои глупые выскажет: «Ах, Виктор Фёдорович, а мне говорили, вы в центре живёте! Только запамятовала – в общежи- тии или строительном вагончике?».

Помолчала бы лучше, ей-богу. Нынешние научные женщины такие противозины, каких десять лет назад представить было невозможно. Никакого снисхождения к пожилому программисту, так и норовят кольнуть, щипнуть да осмеять повеселей. Кабы был нежена- тый, ластились бы кошками, кофе горячий таскали наперебой со всех этажей института, как в прежние-то времена, в рот бы заглядывали, когда говоришь! А теперь нет, теперь, напро- тив, только бы им осмеять посмешнее женатого человека, выставить его абсолютным идио- том: женился, придурок, когда кругом такая красота необыкновенная витает!

Нет, не пойдём мы под горочку через дворы грязь месить, а напротив, в горочку двинем, на асфальт, под фонари, да на проспект, в свет цивилизации подадимся навстречу Европе, там ходьбы ровно полчаса будет, зато не врюхаешься. Другое плохо, не любит он ходить мимо своего прежнего дома, ныне сданного в бессрочную аренду с последующим выку- пом. Тоска начинает грызть, жалко становится, а чего, спрашивается, жалеть? Что сгорит, то не сгниёт! Лучше про работу думать, это самый правильный рецепт для такого пешего человека, как пан Магницкий. Идёт он по тёмной улице, идёт, а сам мысленно уже на работе оказался: взял ключ от кабинета на вахте, расписался в журнале, открыл дверь, вошёл в ком- нату, включил свет, достал из стола папки с бумагами, врубил компьютер и поехал дальше программировать.

В этом заключалась главная ошибка: нельзя работать по пути на работу. Рано утреч- ком, топя наобум в темноте, чрезвычайно трудно не совершить ошибки, если мысли ваши уже где-то совсем впереди маячат, на трудовой вахте. Или машина собьёт, потому как топа- ешь по проезжей части, а тротуары завалены кучами мусора, или в канализационный люк открытый сыграешь, или хуже того, как сейчас, напугаешь кого в темноте до беспамятства. Некоторые штатные психологи, бездельничая за приличные бабки при отделах кадров неф- тяных и газовых компаний, утверждают, что мужчина по внутренней своей натуре – охотник, даже если в трудовой книжке значится, что он старший программист отдела моделирования нелинейных процессов. И, как охотник, всегда инстинктивно преследует бегущую добычу, к примеру, незнакомую женщину. Даже если об этом совсем не задумывается и без всякого внутреннего расчёта.

А я вам скажу – всё враки! Да, сел Виктор на колесо какой-то незнакомке прямо от своего вагончика и пошёл себе размышлять, как бы посолидней завершить седьмую главу «Руководства по эксплуатации». Чешет следом за фигурой, она быстрее – он быстрее, она медленней – Магницкий тоже, всё чисто автоматически, на автопилоте происходит, фигура- ведущая, Виктор-ведомый, чего тут думать-то? И что, скажете, охотится он за ней? Да как бы не так, очень было надо! Просто женщина – существо по природе своей чрезвычайно остро- жное, особенно с утра (про вечера в ресторанах умолчим – не наша тема).

В канаву свеженькую, вчера только городской властью вырытую и не огороженную, с размаха женщина не влетит – туфли бережёт, открытый люк канализационный обойдёт,

как и кучу грязи. Она перемещается в пространстве чутко, все препятствия ощущая за сто метров. Ведомому остаётся лишь её бойкие телодвижения повторять и спокойно о своём главном думать, о работе. Хотя, конечно, когда сильно сблизишься, да начнёшь сопеть полипами в спину, можешь нарваться на такие неприятности, что и открытый люк покажется весёлым фокусом: был товарищ – нет товарища. Чувствует Магницкий, его ведущая летит, как пуля, в направлении центрального проспекта, и он уже отставать начал по старости лет, её телодвижения в точности повторять запыхался. Скорей, скорей, скорей, бегом. Гражданка к фонарям поближе норовит вырваться, к людям, от преследователя оторваться, а Виктор по дурости глубоко задумался и тоже разбежался во все лопатки. Только успел нос платочком высморкать как следует, вдруг она резко по тормозам и развернулась.

«Ой, извините, пожалуйста, больше не буду!» На голове капюшон плащевой накинута, лица не видно, а головой этикие движения сделала, будто спасения ищет, потом – раз, и за его спину спряталась. И надо сказать, было от кого прятаться, ибо метрах в десяти от них, возле контейнера с бытовыми отходами красиво, будто на картинке в детской сказке, стоял поджарый африканский... лев. Виктор поначалу не поверил глазам, чуть не рассмеялся: как так? Царь зверей, а жрёт всякую падаль, будто последний шакал. Молодой ещё лев, с небольшой гривой, хрустел чьими-то костями у контейнера, а они подбежали наперегонки, появлением своим прервав утреннюю трапезу царя зверей. Лев открыл пасть, показав клыки, издал страшно недовольное утробное ворчание, распушил грозно гриву, вразвалку потрусил к нарушителям границ его территории, с явной целью устроить хорошую взбучку. А может, просто слопать?

«Опять сбежал!» – было первое, что пришло на ум. Отчего сделалось немного легче, по крайней мере понятней. Точно. Уже такое событие имело место в городской летописи. Предприниматели, открывшие в бывшем овощном магазинчике подвального типа казино, для приманки клиентов поставили у себя перед входом клетку со львом, чтобы граждане шли к ним смотреть на льва и заодно спускали денежки. В прошлом году, летом, одной прекрасной ночью лев из клетки сбежал, можете себе представить таких полных идиотов? Ночью вырвался на свободу и ушёл в соседний горсад, где, слава богу, под утро уже не оказалось приличных людей, один пьяный бомж дрых в кустах на травке. И лев в кустах наступил на того бомжа лапой.

Об этом удивительном зоологическом факте целую неделю писали все городские газеты без исключения, и красные, и белые, и жёлтые. Благодаря сверхъестественному везению бомж из данной ситуации выкрутился, ну, дуракам всегда везёт, поэтому их в казино играть не пускают, прибежал в милицию и рассказал, как было дело. Ему, естественно, не поверили, тогда он предъявил спину. Тут срочно всем наличным боевым составом райотдел ломанулся к сейфу за табельным оружием – вооружаться. К утру льва благополучно изловили в целости и сохранности, водрузили на место в клетку, опять возле казино. Бомж-то вывернулся, а их зверюга сейчас всенепременно сожрёт, можно даже не сомневаться.

Вот и всё, Виктор, вот и пришёл твой конец. В виде африканского льва. Вот оно как бывает просто: идёшь себе на работу по чистому асфальту проезжей части, а смерть тихо поджидает тебя у мусорных баков. А пошёл бы под горочку, давно был уже на работе. Грязный, зато живой и здоровый. Кстати, туфли можно втихаря помыть под краном в женском туалете, пока баб нет. Они сами там всегда моют свою обувь, а в мужском исключительно посуду. Отчётливо сознавая героичность своего поступка, пан Магницкий набрал в лёгкие побольше воздуха и заорал от пережитого страха что есть мочи на всю округу:

– Сидеть! Лежать! Дура! Тут мне!.. – после чего пошёл в психическую атаку с широко распахнутыми руками, будто собрался того льва поймать.

Женщина сзади решила, что мужчина от страха лишился рассудка, и поэтому чрезвычайно легко от него отцепилась, хотя и теряла при этом последнюю защиту. Дыбом стоя-

щая на загривке шерсть льва мгновенно опала. Джина сконфузилась, присела: «А я чего? Я ничего, я маленькая девочка», – два раза махнула здоровенным помелом хвоста, посмотрела в сторону баков, куда бы тикануть, но решила не испытывать судьбу, пригнула шею к самой земле, напряжённо жмурясь, подставляя себя для самого страшного наказания. Герой ухватился за гриву обеими руками. От внезапно пережитого испуга оба загнанно дышали. Женщина качнулась и рванула навстречу фонарям просто с необузданной энергией. «Ведь узнала, – с горечью думал Магницкий, – а сбегает».

– Пума, – крикнул вослед, – не стыдно оставлять товарища в беде?

Лариса пробежала, замедляясь, ещё несколько метров, нехотя остановилась.

– Это твоя собака?

– Знакомая.

– Магницкий, нельзя так пугать женщин.

– Я передам хозяевам. Пума, ты вернулась?

– Давно. А что?

– Давай как-нибудь встретимся, поговорим?

– Найдёшь – встретимся, сейчас некогда.

И слилась с яркими огнями проспекта, магнетически потянув за собой с такой необычайной силой, что он даже замахнулся на собаку, которой оказался пригвождён к данной точке земли в данный момент, не в состоянии мчаться следом. Эх, а как хорошо было бежать за ней! Так бы бежал и бежал, не останавливаясь! Джина конфузливо жмурилась, пряча куцые уши в пушистой гриве, а звезда пленительного счастья тем временем бесследно растаяла на горизонте. Виктор повёл кавказскую овчарку к дому. Ругаясь последними словами, постучал в окно. Джина широко мела хвостом округу в знак полного раскаяния. Появившаяся из-за шторы Иринка протёрла глаза кулаком, опознав их, раскрыла форточку, ту самую, в которую пьяный когда-то бросал Магницкому деньги, требуя спирта.

– Почто собака по улице одна бегаёт? – с пристрастием участкового накинусь Виктор. – Кормиться выпускаете на ночь? При мне сейчас гражданку чуть не растерзала на куски.

– Я тебе где денег наберусь такую утробу кормить? Сам за аренду тянет с нас двадцать долларов в месяц, у меня ребёнок маленький на руках, другой в юбке путается, Серёжка на стройке копейки получает и те пропивает, где я тебе денег возьму кормить всех?

– Ясно, Джину забираю. И не аренду вы платите, а по дешёвке три тысячи долларов за дом с садом выплачиваете за десять лет, без всяких процентов. Тащи амуницию из кладовки: поводок, ошейник, цепь, не достойны такой собаки!

– Щас!

Сказано было с гневом, однако через минуту приданое вылетело в форточку, и та захлопнулась. Увидев ошейник, Джинка взвилась от радости, подумала, что её немедля поведут гулять, но бывалый собачник оказался начеку, мастерство не пропьёшь. Скорее таской, нежели лаской, грубовато захомутал полульва-полулошадь, после чего она легко дотащила его до своего нового местопребывания, где пришлось посадить благородное животное на цепь, привязав к вагончику. Поняв, что хозяином снова является Виктор, Джина сначала легко покорилась судьбе, а потом, обезумев от счастья, начала сотрясать жилище. Теперь на работу предстояло мчаться по короткому грязному пути, на бегу прыгая, матерясь под нос и в полёте отряхивая брюки. Джинка, стерва, опять линяет!

4. Святотатственный трепет в отделе размножения

Из тёмного институтского коридора, что уходит круто влево от вахты и где ещё не включён свет, доносился металлический и, как всегда, недовольный голос Вильгельмины Карловны, которая спозаранку распекала своих подопечных из отдела размножения техдокументации. Данное подразделение в устах местных юмористов теперь называется смешнее прежнего: отдел связи и последующего размножения. Под испуганный топоток босоножек девочки цирковыми мартышками упрыгали к своим рабочим местам: ксероксам, принтерам, ризографам, и даже телетайпным и телеграфным аппаратам.

Магницкий взял пропуск у вахтёра, усмехнулся и, быстро сунув руку за колонну, нарушил производственную дисциплину, разом покончив с жёсткой экономией электроэнергии – включил освещение коридора за десять минут до начала рабочего дня. Это был поступок, требующий самого сурового наказания. Дверь кабинета Вильгельмины Карловны тотчас широко распахнулась, оттуда выскочила огромная фигура и грозно посмотрела в сторону включателя: кто там себе чересчур позволяет? А навстречу ей уже спешил Магницкий в грязных уличных башмаках по свежевывому полу – целовать в щёчку. И от страха при этом не трясся, так, слегка мандраж бил, как дрессировщика тигров перед представлением. Сейчас подлетит на полном скаку, приподнимется на носочках, чмокнет бледную холодную мраморную поверхность со всего маха. Начальница отдела на краткое мгновение зальётся малиновым цветом, глаза блеснут, и скажет, нет, шепнёт тихо и вроде недовольно: «А вот и Витя с прибабасом пожаловали!». После чего неспешно оглянется в конец коридора: не видел ли кто? А если и видел, что с того?

Ясное дело, совсем это не Вильгельмина Карловна, а дочь её Жанночка, выросшая вишь неимоверно и ногами, и руками, и лицом, сделавшаяся похожей на маму практически во всём, даже занявшая её место начальника отдела связи и размножения в институте. Обычай целования возник в первую же их встречу нового времени, как только свершилось второе пришествие Магницкого в НИИ. Перебегая от директора в отдел кадров, он натолкнулся на чем-то раздражённую Жанну в коридорной темноте, перепутал с Вильгельминой, поздоровался холодно, мимоходом: «Здрасьте!», потом узнал, ужаснулся, стало невыносимо жаль беднягу, которую бог так беспощадно покарал невесту за какие прегрешения, превратив в собственную мамашу, подошёл и просто молча чмокнул в щёчку.

Получилось естественно, даже у нечаянных свидетелей не возникло никаких лишних вопросов: просто встретились два боевых товарища. Ну и что, что разнополые? Не может же он нынешней руководящей Жанне орать на ухо при встречах для повышения настроения: «Как вчера с размножением справились? Сколько конкретно связей планируем на сегодня?» Не может. А чмокнуть в щёчку с утра, – да с удовольствием, ощутив мимоходом святотатственный трепет от явственных черт Вильгельмины, видя благодарственное наполнение влагой глаз Жанны, которая после такого утреннего моциона становится мягче и человечней относится к коллективу. Жанна – человек хороший, но гены, блин, много чего портят.

– Магницкий, ты когда-нибудь доведёшь меня до ручки...

– Приветствую тебя я ныне, о юность дерзкая моя! – откликнулся Виктор торжественной строфой, после чего срочно кинулся использовать преимущество первого хода: мыть грязные башмаки в мужском туалете. Размягчённая Жанна не начнёт сейчас сразу орать. Пока горячо, надо ковать.

Оказавшись в рабочей комнате раньше других, Магницкий заварил общественный чай, самый что ни на есть дешёвый, грузинский, из того многочисленного разнообразия, что продаётся на уличном базаре. Сплошные палки от чайных кустов. А некоторые даже и не от чайных.

Интересно, кто из институтских сотоварищей может знать телефон Пумы? Мила должна знать, но молчала, значит, был дан приказ не говорить. Ладно, с другой стороны заедем. Всё равно выясним. Когда готовая заварка в чайничке настаивалась под полотенцем, в комнату вбежал сотрудник сектора программирования Тимоша. Вообще-то Тимофей аспирант, но чтобы иметь постоянный свободный доступ к компьютеру с хорошей базой данных, он устроился на полставки программистом и участвует в хоздоговорной работе над МОДУЛЕМ для вояк.

Тимофей наивно полагал, что будет здесь как сыр в масле весь день пахать над своей родной диссертацией, получая к тому же зарплату, но сильно ошибся. Молодо-зелено! Сидит теперь с утра до вечера над конкретной договорной работой, имея ничтожную сотню рублей в месяц, и запустил свою диссертацию так, что на ниве выросла трава по пояс, как в бывшем саду Магницкого, и конь по ней давно не валялся. «Эх, Тимоша, Тимоша, – плачет позабытая-позаброшенная диссертация, – ты почто дурак-то такой?»

– Руководство оператора ещё можно корректировать? – крикнул аспирант, явно не слыша плача диссертации, врываясь в комнату и в красивом полёте врубая свой компьютер. – Я там хочу заменить парочку сообщений в одном месте.

Наш Тимофей заболел болезнью бесконечного усовершенствования программного продукта, теперь он не может остановиться на достигнутом – пишет и пишет улучшения.

– Тима, я, кажется, уже говорил, что лучшее – враг хорошего? Твои сообщения и без того напоминают избранные главы «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого. Куда ещё раздувать?

– А защита от дурака? Мы же на армию работаем! Так ты оформил «Инструкцию»?

– Нет, сегодня закончу и сдам в нормоконтроль.

– погоди, я сейчас, я быстро. Ты представить себе не можешь, какие они там идиоты.

– Ошибаешься, Тимофей, они очень умные люди. Мы на них тут пашем, а они нам за это денег не платят.

– Вдруг заплатят?

Вояки требуют сдачи МОДУЛЯ этап за этапом, в сроки согласно договорных обязательств, а оплату срываю не милосердно, вообще не дали пока ни копейки, изо всех сил педалью чувств всеобщего неоплатного долга перед Отечеством. Тима падает в кресло с лицом, искривлённым болью растущего зуба мудрости. На бюджетные сто рублей можно купить один килограмм фарша и пару булок хлеба. В месяц. За этот продаёк аспирант вкалывает с утра до вечера, ежедневно задерживаясь после работы. Начинаящий трудовик-энтузиаст, со всеми вытекающими отсюда последствиями для собственной семьи. Тиме хорошо. Он не женат, живёт с родителями и за их счёт. Его не интересует размер зарплаты, он увлёкся программированием, как дитя малое игрушкой. В качестве игрушки этот вид деятельности действительно чрезвычайно привлекателен, но как способ зарабатывания денег не выдерживает никакой критики, по крайней мере, в стенах их уважаемого закрытого НИИ.

Совсем другое дело – Оксана.

– Здравствуйте, мальчики!

«Это кого здесь мальчиком обзывают? Непосредственное начальство?» Оксана – молодая симпатичная программистка, ей наука без надобности, она опыта набирается, чтобы потом устроиться в коммерческий банк, ждёт своего часа и шибко денежного места, которое пока то ли никак не хочет освободиться, то ли вообще возникать на ровном месте, но это сокровенная девичья тайна. Вот если у Тимошки лицо суровое, деловое, а мозги детские, тут всё как раз наоборот. Перед нами сама практичность с пухлыми нежными губками и якобы наивно распахнутыми глазками.

– Чайник вскипел?

– Готово, можно пить.

Оксана приятно улыбнулась. Она не белоручка, сей факт демонстрирует каждое утро, принося домашнее печенье к чаю. Но Виктора гложет сомнение: уж слишком длинные да красивые ногти у Оксаны, слишком ухожены её белые ручки. С клавиатурой ещё худо-бедно управляется, а вот со слоёным тестом – большой вопрос, скорее всего, в кулинарии куплено. Или бабушка помогает, вон какие пряники вкусные, рассыпчатые. У Тимофея большой бокал, про который он нередко забывает, и чай, остыв, таскается по столам комнаты до вечера. У Оксаны изящная фарфоровая чашечка с таким же блюдечком в комплекте. У Виктора пиала, в которой кипяток быстрее остывает до терпимого состояния. Слишком горячий он не любит.

– Вчера «Прогресс» выиграл два-один у «Кубани», – объявляет Оксана с таким выражением, будто лично одержала верх над южанами.

– Опять была на стадионе? – удивился Тимофей и покачал головой.

– Конечно, наоралась всласть, слышите? Хриплю немного.

– Там же один мат стоит.

– Ну и что? Зато какой мощный выброс адреналина! Я орала громче всех! А скоро у нас группа поддержки начнёт выступать в перерыве между таймами, девушки в купальниках. Как чуть-чуть потеплеет. Хочешь, Тима, посмотреть?

– Не-а.

– А если я тоже в ту группу запишусь, пойдёшь на футбол?

– Не-а.

Оксана вдруг крикнула речёвку:

– Прогресс – чемпион!

И так завелась на этом, что рванула окно и широко плеснула на улицу остатки чая.

– Оксана, внизу шеф ставит машину, он уже выговаривал нам.

– Ой, в последний раз.

– Посмотри, не попала?

– Он позже приезжает.

– Нет, что-то рычало, – вспомнил Тимофей, сидевший ближе к окну, встал и выглянул.

– Стоит машина. Но в этот раз ты, Оксана, промахнулась, крыша чистая. Поздравляю!

– К тому же чашку не надо бегать мыть на первый этаж, – порадовалась болельщица, засовывая посуду в стол.

Тут дверь распахнулась, на пороге возник рассерженный директор, по виду которого нетрудно было догадаться, что Тимка ошибся и Оксана, как всегда, не промахнулась, частично намочив рубашку, а к белейшему воротничку даже пристали крупные грузинские стружки горного кустарника. Вот, пожалуйста, теперь с самого утра начальство не в настроении.

– Вы что, вконец обнаглели? – гаркнул директор на Тимошу, который с довольным видом стоял у раскрытого окна, держа в руке свой здоровенный бокал, и наслаждался чистым воздухом.

От неожиданности Тимофей закашлялся чаем.

– Как это называется?! – продолжал восклицать Орало.

И надо сказать, что делал это вполне профессионально. Как при подписании приёмо-сдаточного акта с вояками. Директор очень крупный мужчина, с солидным животом, из прежнего, советского руководства, Лицо будто скальная порода, голос – натуральная труба. Стоит какому-нибудь заезжему консультанту-капитанишке вякнуть чего-нибудь о недостатках изделия при подписании акта, в дело сразу вступает главный институтский калибр, и так гаркнет по-генеральски, во всю свою лужёную глотку, что капитанишке мало не покажется.

– Чего, чего? Па-прашу бес-пар-дон-ными измышлениями здесь не заниматься! Иди, пиши в письменном виде!

И капитанишка от науки даже не знает, что ему дальше делать, особое мнение писать по поводу БЛОКА 14539/16, или сразу рапорт об увольнении из рядов по состоянию здоровья. Не всегда, конечно, так здорово получается, но бывало, и не раз. Громогласный талант у директора Орало. Так его зовут в самых близких кругах. «Где Орало, у себя? – У себя. – И как? – Орёт!» И не то чтобы какой-то он дурак, наш товарищ директор. Нет, нормальный мужик, соображающий. Но главной его служебной специализацией является это самое наведение порядка при помощи голоса.

– Совсем от рук отбились! – продолжает кипятиться руководство, – учтите, так я вам этого не оставлю, можете распрощаться с квартальной премией!

«Эка хватил! – хмыкнул мысленно Виктор. – Когда это нам здесь квартальные платили? В каком году? До исторического социализма. Сто лет в обед исполнится, как одну двенадцатую зарплаты получаем».

Хотя чисто по-человечески директора понять как раз нетрудно, он просто выравнивает ситуацию. Что хорошо понимал и Тимофей, всем своим видом рисуя безысходную тоску, граничащую с полным раскаянием.

– Он больше не будет, – вступился Магницкий, как старший по должности, – ручаюсь вам, Гавриил Семёнович. Лично прослежу.

Тима закашлялся ещё сильнее.

«Уж не вздумал ли возражать?» Но аспирант остался джентльменом, и, пока директор физически уничтожал его тяжёлым, сверлящим взором, кашлял до красноты, до фиолетовости и даже до предсмертных синюшных пятен, при виде которых, вполне удовлетворившись произведённым впечатлением, директор рванул дверь и вышел вон.

– Настоящий начальник! – шепнула Оксана с восхищением. – И за «Прогресс» болеет, я его на стадионе видела!

Человек, болеющий за футбольную команду «Прогресс», для молодой фанатки – верх человеческого совершенства. Просто топ-менеджер. Кто-то сзади хлопнул Магницкого по левому плечу. Когда хлещут от души по левому плечу, надо поворачиваться направо, общеизвестный факт. Он резко глянул направо и увидел закадычного приятеля Боря со смешной фамилией Забава, завсектором их же института, но в другом, «теоретическом» отделе. Если корень «тео» есть «бог», можно легко представить, кем себя чувствуют эти люди. «Небожителей» прочие сотрудники считают отъявленными бездельниками, которые только тем и занимаются, что режутся в настольный теннис на втором этаже. Когда Орало их оттуда выгоняет голосом, напоминающим сирену гражданской обороны, они всем гамузом, вежливо подталкивая друг друга, переходят на шестой этаж, где тоже есть теннисный стол, а Орала нет.

Но Борис выбивается из общего ряда обитателей небес. Он не такой. Наоборот, страшно деловой, и даже который год пишет докторскую диссертацию по спец-теме, которую натошак не выговорить. Несмотря на то, что диссертация чисто теоретическая, в ней есть что считать, и, естественно, счёт этот, то есть написание программы, отладка и получение результатов, доверяется самому близкому другу и сподвижнику, которым, по его словам, является Виктор Фёдорович Магницкий.

– Спасибо, Боря, на добром слове.

Пойманный справа-сзади Забава нежно улыбается.

– Что за фигню ты здесь чертишь? – зрит в экран. – Опять блок-схему комплекса программ, что ли? Для вояк? Каменный век! Давно нормальные люди такого идиотизма себе не позволяют. Нет, ну сколько можно?

Боря – умный. Все знают.

– Конечно, блок-схему. Что просят, то и делаем.

– Вот болваны!

– Требование ГОСТов, – Виктор постучал по деревянной крышке стола, – с военной точки зрения мы всё ещё живем в СССР, ГОСТов приёмки вояки не отменяют. Меню описываю на всех уровнях действия: вопросы, ответы, реакция системы и. т. д. и.т.п.

– Зачем? На экранах и без того меню светится. Что, им надо ещё с книгой сверяться? Уроды. Слушай, да наплюй ты на этих козлов. У меня конференция на носу, пришла пора срочно получить расчёт от нашей феноменальной программы. Я уж не говорю, что и в диссертацию недурно бы вставить.

– Боря, пойми, родной, не могу. Срок сдачи на моём носу, а не на твоём, и вот-вот вояки нагрянут.

– Всё равно же не платят. Ты мне работу заморозил, не по-товарищески.

– Прошёл слух, что заплатят.

– Этот слух столько здесь ходит, сколько вы за бесплатно работаете. И подогревается он как раз перед сдачей очередного этапа. Над вами же люди смеются!

– Кто смеётся? – прищурился Магницкий в упор.

– Ну... – Боря почесал затылок, – ...бухгалтерия, к примеру. Опять вас обманут. А я не обману. Даю слово: если к концу недели программа заработает, ставлю бутылку коньяку, разумеешь?

– Она работает. Ставь.

– Ни черта не работает.

– При фи от нуля до единицы работает, нормально считает.

– Ты что, самодельный идиот или справку имеешь? Такая и стандартная программа есть. У меня весь смысл и новизна в том и заключаются, что я изобрёл методику, как можно считать при фи больше единицы, а ты мне вчерашний век предлагаешь. Я же новый метод решения систем дифференциальных уравнений реализую в программе, нет, братец, ты мне при фи больше единицы посчитай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.